Валерий Дудаков

РЫСИСТЫЕ БЕГА ПО ЗАКОЛДОВАННОМУ КРУГУ

«КАСПИЙ» ДАГЕСТАНСКИЙ

КНИГА СОРОК ЧЕТВЕРТАЯ

Поэзия Валерия Дудакова

Валерий Дудаков

Рысистые бега по заколдованному кругу. «Каспий» дагестанский. Книга сорок четвертая

«Пробел-2000»

2024

УДК 821.161.1-1 Дудаков
ББК 84 (2Рос+Рус) 6-5

Дудаков В. А.

Рысистые бега по заколдованному кругу. «Каспий» дагестанский. Книга сорок четвертая / В. А. Дудаков — «Пробел-2000», 2024 — (Поэзия Валерия Дудакова)

ISBN 978-5-98604-975-5

Книга предназначена для любителей современной поэзии.

УДК 821.161.1-1 Дудаков
ББК 84 (2Рос+Рус) 6-5

ISBN 978-5-98604-975-5

© Дудаков В. А., 2024
© Пробел-2000, 2024

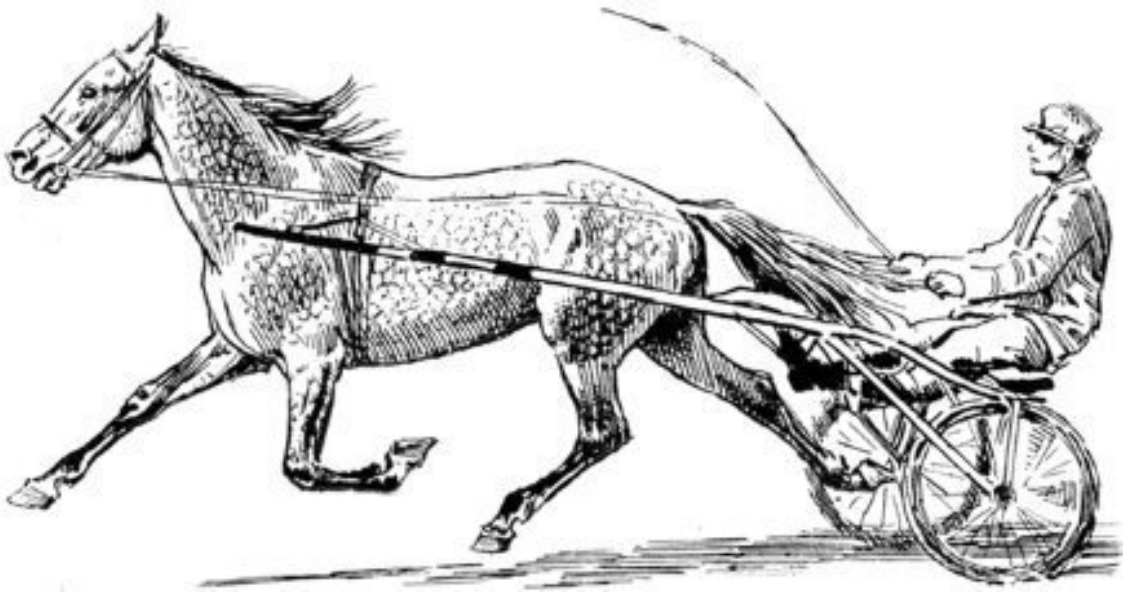
Содержание

Часть I 6
Меж Питером и Москвой 6
Пруды «золотых ключей» 8
С мая на июнь в Медвежьих озёрах 9
Начало июня в Медвежьих озёрах 10
Рыбалка Медвежьих озёр 11
Благая весть Медвежьих озёр 12
Утро равноденствия в Медвежьих озёрах 13
Село «Чёрное» близ станции «Трудовая» 14
22 июня на Ивана Купалу 1941–2024 15
Летняя жара июля 16
Поход в ГЭС-2 на выставку «Пространство квадрата» 17
Ода на рождение внука и внучки 18
Чёртова погода 19
Прогулка по Раменке 20
Слушая передачу о В. Высоцком 21
Конец ознакомительного фрагмента. 23

Валерий Дудаков
Рысистые бега по заколдованному кругу. «Каспий» дагестанский

© Дудаков В.А., 2024

Часть I
Рысистые бега по заколдованному кругу

Меж Питером и Москвой

Среди приключений разных
Только выходишь за дверь,
Волжская вольность соблазнов,
Провинциальная Тверь.

Тешит нас Волга обманом,
Притчей царит за версту,
Утро дурманит туманом
И навевает мечту.

Но изменений не чая,
Утренних снов белизна,
Где-то Тверская-Ямская
Горького в честь названа.

Хмурое утро ласкает,
Как и вчера, так и вновь,
Звуки проснувшихся чаек,
В трелях шальных соловьёв.

Вновь соблюдаю порядки,
Он же сказал «Аз воздам»,
Номер в гостиничных тапках,
Башня свечой с Нотр-Дам.

С княжеством было покруче,
В «Лете» писал старожил:
Годы, мол, были те лучше,
Правил когда Михаил.

Клин выбивается клином,
Вольность загнали вконец,
Матушкой Екатериной
Новый воздвигнут дворец.

Тем и дала своё имя,
А уж потом ни ногой,
И называют доныне
Этот дворец «путевой».

С царствием ли, коммунизмом,
Мнится история иной,
Стражем ты ныне и присно
Питером меж и Москвой.

Пруды «золотых ключей»

Оно безудержно светило,
Прожегши раны в синеве,
Большое сонное «светило»
В песке застывшем на воде.

Ловцом лучей его столь ярких,
Был высохший от солнца пруд,
В дневных его объятьях жарких
Сплетались ручейки вокруг.

И из последних сил, всё ближе,
Впадая в лёгкий тихий сон,
Бродили утки, лужи лижа
Сухим шершавым языком.

Едва чей хвост тени касался,
Средь птичьих множества затей,
Их гогот утренний казался
Предчувствием палящих дней.

И было зримо очень видно,
Как тает в лужицах вода,
Ведь все прогнозы, очевидно,
Лишь приблизительны всегда.

Бездвижно ручейки застыли,
Как будто пробой «на зубок»,
Пруд высыхал, дожди копили
Целебной влаги скорый ток.

С мая на июнь в Медвежьих озёрах

Парило, над озером вился туман,
Мерещилась в нём несусветная нежить,
И только, грозя дуновением свежим,
Над кромкою леса завис ураган.

И тихо крадясь по-медвежьи на лапах,
Так что и дыханья его не слышны,
За тёплые яркие майские дни
Он требовал будто достойной расплаты,

Всей зелени россыпи, трели пичуг,
Мелодий коленц соловьиных раскатов,
И вторила мелочь лесов пиццикато
По правилам всех музыкальных наук.

Раскрякались утки встревоженным криком,
Смешно семеня по воде вкруговую,
Но все их движенья рассеялись всуе
В цветных отражениях солнечных бликов.

Вдруг вспомнилось то, что давно позабыл,
Когда это было, в какие рассветы,
Как влагой росы в те далёкие лета,
Подошвы, травы что касались, студил.

Начало июня в Медвежьих озёрах

Озёра в лето двери нам откроют,
Досматривая утром наши сны,
Чтоб с благостью июньского настроя
Проснуться от звенящей тишины.

Когда внезапно смолкнут птичьи звуки
Гортанных уток, сладких соловьёв,
И по законам всей лесной науки
Наполнят лес молчаньем до краёв.

Раскинувшихся гладью водоёмов,
Зеркальных отражений облаков,
Почувствовать, как близко и знакомо
Тепло с Медвежьих этих берегов.

Когда сквозь утро вновь рассвет заглянет
Не в тот привычный, в горний мир, иной,
И наши сны опять врасплох застанет
В мгновенье изменив души настрой.

И раззвенится россыпь птиц трещоткой,
Лишь только оттеняя тишину,
И нота прозвучит любви находкой,
Дань отдавая сердцу и уму.

Рыбалка Медвежьих озёр

Там, за барашковым постригом,
Чьи гребни чешет ветра сыть,
Диск проявился с солнца ликом,
Чтобы лучами свет свой лить.

И гладь озёрная вздохнула,
Прохладой влажной налилась,
И тень по ряби промелькнула,
Чтоб рыбаков наполнить снасть.

Неведомо, что невод ловит,
Породу рыб не разобрать,
Всё держится на честном слове,
Хоть подмывает так соврать.

И в привиральных схватках жарких,
Где правды часто ни на грош,
С братаном раскурить цигарку,
Сказав: «Как ловко, братец, врёшь!»

Но всё-таки хочется поверить,
Так день июнем ворожит,
Часами солнце время мерит,
В медвежьих водах жизнь кипит.

Благая весть Медвежьих озёр

Позвонил Алёша в семь утра,
Чтобы удивить в столь ранний час,
И сказал, что Катя родила,
И поздравил с новым внуком нас.

Вспоминался Верочки приход,
Первой, а затем Захар вослед,
Я давно не молод и не тот,
Но теперь и пятикратный дед.

Трое внуков – это не шути,
Вместе будет радостнее им,
И желали доброго пути
Утки в голос кряканьем своим.

Троицы раскрылась светлой сень,
Радует берёзовый наряд,
И пришло известье в этот день,
«Весть благая» люди говорят.

Пятеро, а кажется не счесть,
Разногодки, но одно гнездо,
И в своём желанье повзрослеть
Пусть дождутся часа своего.

И хотелось верить, помечтать,
За столом увидеть рядом их,
Чтобы осенила благодать,
Всем собраться вместе «на троих».

Утро равноденствия в Медвежьих озёрах

Сны ночные вглубь озера скинув,
Птицы дружно галдят вразнобой,
Серебристые ветви раскинув,
Ивы утра выводят настрой.

И улыбчиво машут верхушкой,
День приветствуя, небу в поклон,
Пробираясь по краю опушки,
Солнце к нам пробралось на балкон.

К уголку прикоснулось подушки,
Осветило волос твоих прядь,
Моего, мол, совета послушьте,
С неназойливой просьбой вставать.

Где-то колокол часто затренькал,
На побудку, на службу зовёт,
У порога за комнатной стенкой
Утро доброе в гости нас ждёт.

Небо синью прозрачною стало,
Гладь прохладная тянет к воде,
Ведь вчера на Ивана Купала
Мы купались в его доброте.

Село «Чёрное» близ станции «Трудовая»

Канал отделяет здесь воды от суши,
Библейские годы вернулись к нам вновь,
И вторят пичугам шальные лягушки,
Чтоб цепь разорвать от ночных соловьёв.

Туманное утро парит в водоёмах,
Себя очищая от сказочных снов,
И вылепит солнце в оконных проёмах
Чеканную ветвь виноградных листов.

Черкнёт по стеклу перекрестием рамы,
Смеряя настойчивый к жизни искус,
И кажется мне удивительно странным
Июньский, чуть сладкий, с горчинкою вкус.

Прошепчет о чём-то берёзовый шелест,
Стараясь от мыслей печальных отвлечь,
Проснувшийся ветер вновь логово стелет,
Чтоб в небо взглянув, нам на траву прилечь.

А солнце неспешно шагает высоко,
Весь мир согревая до самых основ,
В бездонную синь, где царит одиноко
На птиц столь похожая тень облаков.

Так тянет пройти по несжатому полю,
Сорвать для букета цветов полевых,
И, кажется, жизнь очищается новью,
Чтоб силы нам дать от уныний своих.

22 июня на Ивана Купалу 1941–2024

В этот день Ивана Купалы праздник был,
Такого полнолунья больше нет,
Казалось, что враждебный чёрный мир
В прицел луны глядел на белый свет.

Бомбили Севастополь в три часа,
На Запад части в окруженье шли,
И распалились горы и леса
От гнева нашей попранной земли.

Запомнили на тысячи мы лет
И память никогда не подведёт,
Так кровью наливался лунный след,
Как память нас в бессмертие зовёт.

Мне столько лет, как кончилась война,
Прошёл путь не простой со всей страной,
Но не одна не светит так луна,
Как в годы те, где шёл тот смертный бой.

И нет в подлунном мире тишины,
И все прогнозы наши не точны,
И снова непременно нам нужны
В Иван Купалу лунные мечты.

Летняя жара июля

Застыли сонные деревья,
Верхушки свесили в унынии,
Жара пришла, и по поверьям,
От века будет и доныне.

Июль вползает тихой сапой,
Куст опалит, прожжёт опушку,
А кто с жарой сумеет сладить?
Известно дело, только Пушкин.

Нет безнадёжности в природе,
Палит, а зелень в рост аккордом,
Должна б угомониться вроде,
А рвётся перекрыть рекорды.

Такое и не вспомнишь лето,
Ни день что – сладок для женитьбы,
Не видели и за сто лет,
А кто ж их прожил, чтоб сравнить бы.

Но всё не вечно в нашей теме,
Закружит лист сентябрьский танец,
С любовью вспомним это время,
Развод по осени настанет.

Поход в ГЭС-2 на выставку «Пространство квадрата»

Жара палила всласть, асфальт кипел мазутом,
И неприязнью спёкся монумент,
Музей же поджидал прохладой и уютом,
Хоть накалённым был эксперимент.

В пространстве свет царил и тонкие нервюры
Изяществом в контраст к картинам шли,
Их именитый ряд далёк был от натуры,
И многие к абстракции вели.

Здесь не в дерзаньях суть, фамилиях и стилях,
Не перечислить множества имён,
Где лучшие из них нам тайны приносили,
В которые Малевич посвящён.

Немного из того мы видели когда-то,
Здесь торжествует истина одна,
И осветила ГЭС пространство квадрата,
Где беспредметность в ранг возведена.

Так утверждал Фуко, пусть походя, небрежно,
Но вывод неизбежен, налицо:
Исчезнет человек, как на песке прибрежном
Сотрётся сотворённое лицо.

И будет квадрат сиять над миром вечно,
Быть может мир к такому не готов,
Но истина гласит: искусство бесконечно,
Конечна только жизнь его творцов.

Ода на рождение внука и внучки (В праздник Петра и Павла)

Всю ночь шёл дождь, в народе говорят: стеною,
На радость всем он бесконечно шумно длился,
А утром благовест сменил остатки зноя,
И под него узнали: человек родился.

В прошедшем месяце ещё одно рожденье,
У Кати мальчик Савва, а у Лили дочка,
Дела житейские, но, всем на удивленье,
Таким подарком разразилась эта ночка.

А на рассвете птицы славили их дружно,
Каштаны свечи отпылавшие вздымали,
И прихожане шли на праздничную службу,
В их честь из облаков венки сплетались.

Пылай июль, свети нездешними цветами,
И пусть тропические ливни их насытят,
Желаем в радости им жить под небесами
И верим – ждёт их долгий путь и «дольче вита».

Что ж, с их рожденьем мы немножко постарели,
Мои пять отпрысков, твоя едина внучка,
Не в счётах дело, нас поздравим, в самом деле,
И пожелаем счастья им на добрый случай.

Чёртова погода

Июль отутюжил погоду до донца,
На камнях яичницу жарь, как в Сахаре,
И звери, и люди устали от солнца,
И в мареве знойном, как призраки, стали.

Чуть слышна мольба о живительной влаге,
Вот капнуло, но не дойдёт до асфальта,
Безвольно повисли тряпичные флаги,
И не подчиняясь приказам начальства.

Сомнамбулой бродит толпа по газонам,
Глотая мороженое, соки, нарзаны,
Спасаясь в прудах утомлённых и сонных,
А кто-то ныряет в джакузи и ванны.

И рты открываются к струям фонтанов,
Водичка нечиста, но всё ж освежает,
Астрологи тешат, прогнозы с экранов,
Когда всё закончится, кто ж его знает.

Жара словно косит всю жизнь понемногу,
Забыться, растечься, как мысью по древу,
А может пора обратиться к Даждьбогу,
Дано испытать православным по вере.

Прогулка по Раменке

Падёт пожелтелость ранняя
В настил деревянной просеки,
От листьев, плывущих в Раменке,
Впервые пахнуло осенью.

Вцепились в откосы корнями
Три ивы, о доле плачутся,
Скопились отходы сорные,
В кустах, словно звери, прячутся.

Склонились дубы от старости,
Сплетаются липы ветвями,
Запрятались в эти заросли
Фигуры прохожих редкие.

Под солнцем песок очистился,
Блестит золотыми крошками,
Вода, в мелководье быстрая,
Смывает потоком прошлое.

Вдвоём мы идём по берегу,
Дорога в лесу открыта нам,
И кроны деревьев, верю я,
От бед станут нам укрытием.

Слушая передачу о В. Высоцком

Кончалось героев время,
А с ним и пора застоя,
И гул олимпийских здравниц
В бурлившей шумом Москве,

И только один был с теми,
Кто каждому был как равный,
Но многого в жизни стоил,
Надежду давая всем.

Рычал он от боли сердца,
Метался, как зверь в берлоге,
Сорвав маски равнодушья,
Чтоб слушали мы его.

Страдал, чтоб открыли дверцу
С молитвой извечной Богу,
Что жизни земной удушье
Привычней теперь всего.

А что «на троих»-то часто,
По этой был части мастер
Застольев с друзьями, тризны
В России без водки нет,

Не кланялся он начальству
И не был он им любимым,
Но был для него Любимов —
Наставник, судья, отец.

И место для встреч – Таганка,
Свой храм он в театре строил,
Бузил иногда, чтоб смыться
В заоблачные края.

Женатый на иностранке,
Он с русскою был душою,
Не близкая заграница —
Россия его семья.

А песни как соль на раны
Травили и наши души,
Проснулась народа совесть,
Что ставят в вину ему,

Но не был он горлопаном,
Просил лишь его послушать,
Но смолк возмущённый голос,
Обрушив нас в тишину.

Назло множеству злословий,
Что в жизни слыл неуёмным,
Был он для него мгновеньем,
Прелюдией к небесам,

И как откровение слово
Будило уставших сонных,
И песни – стихов творенья —
Достались в наследство нам.

Прошло уж почти полвека,
Не вспомнишь теперь, как жили,
«Горбатого» нам лепили,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.